

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙШЕГО ЦЕНТРИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА КАВКАЗО-ПАМИРСКОГО МЕГАРЕГИОНА КАК ЛОНО КРИСТАЛЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ИДЕИ «КУПОЛ НА КВАДРАТЕ»

В. Б. Бесолов, А. В. Бесолов

На протяжении тысячелетий архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища непрерывно преобразовывался и развивался, ибо индоевропейские мастера особое внимание уделяли совершенствованию идеи купольности, т. е. плановой композиции и пространственно-тектонической структуры и формы.

Изначальное местозарождение и месторазвитие творческой идеи «купол на квадрате» происходило в архитектуре древнейшего центрического жилища с последующим воплощением в центрально-купольных сооружениях мемориальной и культовой архитектуры раннесредневековых стран христианского Востока, исторической Византии. В течение многих веков и тысячелетий происходила кристаллизация зародившейся в глубокой древности художественно-творческой мысли и идеи купола на квадрате. Свидетельством тому являются архитектурные творения центрической композиции, структуры и формы, возведенные из местного строительного материала и составляющие с ландшафтом Кавказско-Памирского горного мегарегиона неразрывное единство, органическое целое.

Без сомнения, архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом явился исходной генерирующей основой и творческим импульсом процесса формирования композиции плана, структуры внутреннего пространства и архитектоники наружных масс центрально-купольных мемориальных и культовых сооружений эпохи раннего Средневековья, т. е. в странах и регионах христианского и мусульманского Востока, в том числе в архитектуре таких государств эпохи раннего и зрелого Средневековья, как Агвания, Армения, Грузия, Абхазия и Алания (Кавказ), а также Азербайджан, Средняя и Центральная Азия.

Ключевые слова: архитектурный морфотип, этноязыковая общность, индоевропейцы, центрическое жилище, купол на квадрате, Кавказский регион, Памирский регион, центрально-купольный храм, усыпальница.

THE ARCHITECTURE OF AN ANCIENT CENTRIC DWELLING IN CAUCASUS-PAMIR MEGAREGION ASCRADLE OF CRYSTALLIZATION OF CREATIVE IDEAS FOR DOME ON SQUARE

V. B. Besolov, A. V. Besolov

Over the course of history the architectural morphotype of the ancient centric dwelling has been continuously transformed and developed, for the Indo-European masters paid special attention to the improvement of the Domeconcept, i.e. planned composition, spatial and tectonic structure and shape. Initial place of emergence and development of the creative ideas for the dome on a square occurred in architecture of the ancient centric dwelling and subsequently held its brilliant transformation into central dome structures of memorial and religious architecture in Early Medieval Christian Eastern countries and historical Byzantium. Undoubtedly, for many centuries there was a crystallization of the artistic and creative concept of the dome on a square, arisen in ancient times. Evidences of this are the architectural creations of the centric composition, the structures and forms, built of local building materials, constituents inseparable unity, organic whole with the Caucasus-Pamir mountain mega region landscape.

© Бесолов В. Б., Бесолов А. В., 2015

There is no doubt that the architectural morphotype of the ancient centric dwelling with pyramidal-ledged ceiling and light-fluehole over an open hearth was the original basis and creative impulse in the process of forming the composition and structure of the internal space and external forms architectonic in memorial and religious structures in the early Middle Ages with Central dome, i.e. in Christian regions and the Muslim East, including the architecture of the Early and High Middle Ages in countries as Aghvan, Armenia, Georgia, Abkhazia and Alanya – all in the Caucasus, as well as Azerbaijan, Middle and Central Asia

Keywords: architectural morphotype, ethnic and linguistic community, Indo-Europeans, centric dwelling, dome on a square, Caucasus region, Pamir region, central dome temple, shrine.

Древнейшее центрическое жилище как целостное историко-архитектурное явление этнической истории, идеологии и культуры отдельных народов и конкретных стран Юго-Восточной Европы, Кавказа, Передней и Средней Азии, а еще точнее, Балкано-Малоазийского, Кавказо-Переднеазийского и Памиро-Среднеазийского макрорегионов до настоящего времени не стало предметом специального архитектуроведческого исследования. В гуманитарной науке все еще отсутствует многоаспектное исследование о традиционном центрическом жилище как этнокультурном феномене горной полосы Евразии древнейшего времени, эпохи древности и средних веков.

Такие важные вопросы, как время зарождения, процесс формирования и пути распространения архитектурного морфотипа реликтового центрического жилища до настоящего времени продолжают оставаться невыясненными, в равной степени не выявлена и его изначальная, исконная этническая принадлежность. К тому же проблематика генезиса и изначальной эволюции архитектурных морфотипов центрально-купольных сооружений (усыпальницы и храмы, мавзолеи и мечети) по сей день не исследована в должной степени из-за отсутствия к ней научного внимания архитектуроведов – теоретиков и историков христианской и исламской архитектуры и строительной техники.

Вопреки существующей в науке ситуации важно и нужно понять, что корни и истоки типологической и морфогенеза архитектуры центрического жилища и ареал его распространения имеют первостепенное значение при рассмотрении сложнейших проблем этногенеза и этнической истории

и культуры праиндоевропейской этноязыковой общности, последующей ее филиации и начала ритмической иррадиации миграционных волн ранних индоевропейских племен в исторические места их обитания на территории Евразии.

Вместе с тем для прогресса архитектуроведческой науки и написания полноценной истории архитектуры и строительной техники не менее важно проследить и всесторонне обосновать место и время генезиса, а также выявить пути типологической и морфологической эволюции архитектуры центрического жилища. Это крайне необходимо при осмыслении начальных этапов образования новых типов и форм раннехристианских храмов и раннеисламских мавзолеев, а также для постижения закономерностей формообразовательного процесса в монументальной мемориальной и культовой архитектуре стран христианского и мусульманского Востока, а также исторической Византии.

Палеоархитектурный морфотип реликтового центрического жилища срединной зоны Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии является уникальным творческим достижением мастеров традиционного зодчества эпохи древности, ярким показателем высокого уровня развития архитектурно-художественной мысли и строительнотехнических идей. Древнейшему жилищу центрической композиции с развитой вертикальной осью и четкой пространственно-тектонической структурой с пирамидально-уступчатой формой перекрытия и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом присуще органическое единство функции, конструкции и формы, предельная лаконичность и эстетическая выразительность

интерьера, универсального по характеру организации и строго дифференцированного внутреннего пространства, имеющего огромное семантическое содержание и символическое значение [4–6].

Архитектурный морфотип древнейшего центрального жилища возник не сразу, а на протяжении длительного исторического развития, постоянно совершенствуясь, обретая кристально четкую тектоническую систему и ясную художественную форму. Идентичный архитектурный морфотип центрального жилища лучше всего сохранился на территории исторической прародины индоевропейцев – в Передней Азии, точнее, на территории Армянского нагорья и примыкающих к нему частей Иранского и Малоазийского нагорий, где еще в глубокой древности начался процесс филиации индоевропейского праязыка и иррадиации миграционных волн ранних индоевропейских племен, т. е. произошел распад греческо-армянско-арийской диалектной общности. Тогда же, в эпоху энеолита (6-е – середина 4-го тыс. до н. э.), а возможно и немного раньше, вследствие подъема уровня пассионарного напряжения наиболее ранние миграционные волны начали свое движение именно с того места, где стыкуются и сходятся Армянское, Иранское и Малоазийское нагорья [Там же].

Движение первой миграционной волны началось с обособления от индоевропейского праязыка, или языка-основы, и смещения на Запад древнейших индоевропейских языков – хеттского и родственного ему палайского, лувийского, ликийского и лидийского и отдельного их развития на территории Малой Азии в последующее время.

При анализе новаторской концепции о прародине и путей миграции ранних индоевропейцев следует учесть удивительную закономерность в истории развития и теории распространения индоевропейского языка и культуры и расселения индоевропейского этноса с первоначальной территории формирования праязыка, или языка-основы, на стыке Южного Кавказа и прилегающей части Передней Азии

в исторические места их обитания в Евразии. Суть проблемы заключается в том, что с процессом филиации древнейших индоевропейцев на территории их прародины и началом иррадиации миграционных волн периодически импульсируемые миграционные волны из прародины расходились только в трех направлениях: западном, северном и восточном. Новый этап преемственного развития и расчленения индоевропейского праязыка характеризуется явным распадом греческо-армянско-арийской диалектной общности [12].

Протогреки, как одна крайняя часть миграционной волны, двинулись на Запад, оставляя свой след на территории Малой Азии, и по мере продвижения вскоре заселили Балканский полуостров в Юго-Восточной Европе. Протоармяне, как средняя часть миграционной волны, остались там же, т. е. на своем прежнем месте, и постепенно расселились на более обширной территории Южного Кавказа и прилегающей части Передней Азии, а конкретнее, Армянского нагорья.

Протоарийцы, как другая крайняя часть миграционной волны, еще в начале своего этногенетического пути почему-то распались на две родственные группы. Первая группа протоарийцев, продвигаясь в северном направлении и частично оседая на отдельных местах территории Южного Кавказа, вскоре добралась до мощной горной системы Большого Кавказа и, освоив многочисленные горные тропы и труднодоступные перевалы, двинулась дальше на Север, но при этом существенная их доля обосновалась на обоих склонах Казбеко-Эльбрусского двугорья, т. е. на территории Центрального Кавказа и прилегающей части Среднего Предкавказья. Явным и зримым показателем обитания на указанной территории древнейшего ираноязычного населения являются уникальные керамические и бронзовые изделия центрально-кавказской, или кобано-тлийской, художественной культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV–IV вв. до н. э.), а также такие оригинальные сооружения центрального архитектурного типа, как жилища, святилища, склепы и башни раннесред-

невековой Алании (IV–XIV вв. н. э.), строительные традиции которых восходят к древним истокам. Сохранившиеся до сегодняшнего времени в горах Центрального Кавказа, на обширной территории расселения древнейших ираноязычных индоевропейцев, центрические жилища являются показателем того, что перемещаемые по территории Южного Кавказа в направлении на Север традиции домостроительной техники постепенно распространились до горного хребта Большого Кавказа. На обоих склонах и предгорных равнинах его центрального звена, Казбеко-Эльбрусского двугорья, архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом, сохраняя архаические черты и канонические принципы, все же в XX в. был существенно модифицирован во внешнем облике, что не повлияло на его древнее название «тохына хадзар» [4–6].

Вторая группа протоарийцев, более многочисленная, огибающая южное побережье Каспийского моря, перемещалась по направлению на Восток, постепенно расселялась на значительной территории современных стран и историко-культурных регионов: Ирана, Афганистана, Средней и Центральной Азии, где обосновалась на Памире и Гиндукуше и даже в Кашмире. При этом создатели и носители оригинальной домостроительной традиции привнесли на территорию Среднего Востока архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом. Важно отметить, что и сегодня в горах Западного Памира и Гиндукуша успешно функционируют древнейшие образцы центрического жилища, по-прежнему называемые горными таджиками «чорхоначид», и это несмотря на то, что их внешний облик подвергнут существенной модификации. Кроме Таджикистана, Афганистана и Ирана, рудиментарные типы и формы этого жилища сохранились также на территории Туркменистана и Южного Узбекистана [23; 25]. Небольшая группа протоарий-

ских племен даже миновала пределы Восточного Туркестана и проникла на территорию Горного Алтая и других мест Южной Сибири, где создала уникальную по образу и стилю, по силе эстетической выразительности художественную культуру [27–28].

Исторически вполне закономерно, а ныне и постижимо, что на территории расселения славянских племен Восточной, Юго-Восточной и Южной Европы, в ранних полужемлянках, в том числе в архитектуре русской избы и украинской хаты, просматриваются основные черты столь универсального архитектурного морфотипа древнейшего центрического жилища горного пояса Евразии.

Вполне естественно, что создатели и носители оригинальной домостроительной традиции сохраняли технику центрического домостроения и во все культурно-исторические эпохи, обживая новые территории на западе, севере и востоке, возводили центрические жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над очагом.

Однако при исследовании процесса развития и распространения центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием в Кавказо-Переднеазиатском и Памиро-Среднеазиатском макрорегионах прослеживается определенная естественно-историческая закономерность: только в сходных ландшафтно-климатических условиях и на горном рельефе определенной высотной поясности функционирует и сохраняется древнейший архитектурный морфотип центрического жилища, а в остальных природных условиях он сильно видоизменяется или же полностью вырождается подобно тому, как меняется язык и внешний облик ассимилированных народов. При этом важно отметить одно обстоятельство относительно того, что традиция центрического домостроительства надолго сохраняется в сознании коренного ассимилированного этноса, в его представлении о строении мироздания и вечности изидательной силы, в его воображении об историческом величии родного народа. Возможно поэтому

в дворцовых апартаментах мидийских, персидских, бактрийских, парфянских, хорезмийских и согдийских правителей, а в последующем и феодалов Средней и Центральной Азии, на потолках роскошных залых помещений встречаются имитации пирамидально-уступчатых перекрытий с глухим отверстием, имеющие всего лишь конструктивно-изобразительный облик, носящие декоративный характер [24–26].

Архитектурогенез морфотипа древнейшего центрального жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом, в сущности, является историческим творческим процессом генезиса и эволюции материально-художественного типа, формы и образа жилища и его разновидностей изначально на первичной территории их зарождения на Южном Кавказе и прилегающей части Передней Азии, а затем, с появлением векторов перемещения строительной традиции только в трех направлениях его распространения, и в локальных зонах их формирования и развития: на Балканском полуострове и прилегающих островах; на территории Центрального Кавказа и Среднего Предкавказья; на территории Ирана, Афганистана, Средней Центральной Азии (прежде всего на Памире и Гиндукуше). Весьма удивительно, что в горных изолятах Центральной Азии и в почти идентичных природных условиях срединной части Большого Кавказа, где испокон веков почти обособленно развивались древнейшие центрические жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом, мастера зодчества находились в условиях естественной изоляции и исторической оторванности от окружающего их этнического и культурного мира.

Природная изолированность и этносоциальная замкнутость не только существенно влияли на интенсивность развития творческого процесса, на ускоренность или замедленность пути этногенеза и архитектурогенеза, что, в сущности, являлось неразрывным двуединым процессом, но также отгораживали исконно ираноязычные горские народ-

ности от магистрального пути исторических событий, замедляли, а в определенные моменты даже тормозили и прерывали их связи и контакты, этнополитические взаимоотношения с внешним миром. В то же время этносоциальная замкнутость во многом способствовала созданию особого семейно-бытового уклада и специфичной хозяйственной деятельности, развитию древних, традиционных социальных и экономических отношений. Естественная изолированность способствовала сохранению уникальных этнологических культур, оригинального в своей изначальности художественного, градостроительного, архитектурного и строительно-технического наследия эпохи энеолита, ранней, средней, поздней бронзы и раннего железа, а также периода раннего, зрелого и позднего Средневековья. Именно поэтому архитектурные морфотипы древнейшего центрального жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом до начала XX в. сохранились в своем первозданном облике и не достигли той рафинированной художественной формы, которая столь характерна для центрального жилища Армении, Грузии и Агвании.

Общепризнанные произведения изящных искусств Центрального Кавказа, Западного Памира и Гиндикуша эпохи древности и средних веков отличаются особым, неповторимым художественным образом и стилем, исключительной эстетической выразительностью; в них отображены гармония человеческого общества и природной среды, повседневный жизненный уклад и социальные приоритеты в строгих параметрах биогеоэкологического равновесия и, наконец, в них запечатлены суровый психический склад этноса-созидателя, специфика его мифологического, конфессионального и пространственно-тектонического мышления, художественно-творческого воображения и эстетического выражения.

Древние племена и средневековые этносы Южного и Центрального Кав-

каза и прилегающей части Передней Азии этнически развивались, генерировали язык и культуру, не отрываясь от родных мест обитания на предгорных равнинах и в межгорных долинах. Вот почему этой территории воистину принадлежит ключевая роль в культурно-историческом процессе древнейшей, древней и средневековой Евразии. На протяжении многих тысячелетий на этой территории интенсивно бурлила жизнь, рождались и умирали личности с мощным интеллектуальным потенциалом, появлялись и исчезали народы, оставившие непотускневшие, яркие следы их пребывания на Земле, постоянно образовывались и распадались сильные и самостоятельные княжества, крупные царства и влиятельные государства, которые в ожесточенных и непрерывных притязаниях новоявленных соседей и могущественных древневосточных государств сумели сохранить в неприкосновенности и целостности свою многострадальную землю, свою историческую страну многовековой, самобытной и прогрессивной культуры и цивилизации, упорным противостоянием они смогли сберечь государственность и национальное достояние, национальную идентичность. Именно на данной территории зародились, преемственно развивались и совершенствовались самые уникальные архитектурные морфотипы древнейших центральных жилищ и раннесредневековых центрально-купольных храмов – величественные по своему облику и эстетической выразительности творения кавказских зодчих, отличающихся высоким профессиональным мастерством.

Подобный аспект постановки и рассмотрения сложной научной проблемы зарождения, формирования и распространения архитектурного морфотипа древнейшего центрального жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом поддерживается авторитетными учеными в области гуманитарных наук [16; 35].

Возникший в глубокой древности, но не позднее 4-го тыс. до н. э., в определенной естественно-экологической среде обитания праиндоевропейцев и особой культурно-исторической обстановке, на конкретной территории индоевропейской прародины, отличающейся неповторимой, своеобразной геопластикой горного рельефа, блеском серебристых истоков стремительно текущих с гор Аракса, Евфрата, Тигра и их притоков, изумительными акваториями межгорных озер Ван и Урмия, живописным ландшафтом с характерной для горных стран флорой и фауной, высоким развитием земледелия и скотоводства и наличием колесного транспорта, зачаточный, рудиментарный архитектурный морфотип центрального жилища непрерывно развивался и совершенствовался. Важно отметить и то, что древнейшее центрическое жилище максимально соответствовало природной среде, оно издревле формировалось на лоне первозданной природы и явилось оптимальным воплощением материальной и духовной культуры, окончательно распавшейся к 3-му тыс. до н. э. греческо-армянско-арийской этноязыковой общности, полным отображением окружающей естественно-исторической реальности и этнопсихологической ментальности, материализованным выражением специфики и уровня социальных отношений, т. е. всего того, чем была наполнена их жизнь и повседневная созидательная деятельность.

Зародившийся в недрах праиндоевропейской этноязыковой общности архитектурный морфотип центрального жилища стал, в сущности, древнейшей генеративной традицией и универсальной константой индоевропейской созидательной мысли, а по имманентной сути, феноменом архитектонического творчества и эстетического выражения обитателей Балкано-Кавказо-Памирского горного пояса Евразии [4–6].

При сопоставлении ареала зарождения и первичного формирования архитектуры центрального жилища

с территорией изначального становления антропотипа, языка, идеологии и культуры древнейших индоевропейцев, т. е. с индоевропейской прародиной, предопределяемой на Армянском нагорье и в прилегающей части Передней Азии, сразу же возникает исчерпывающий вывод: прослеживается не только почти полное совпадение их территорий, но, что не менее важно и значимо, появление архитектурного морфотипа центрического жилища на Переднем и Среднем Востоке и непосредственно к нему примыкающей части Юго-Восточной Европы в последующее время, мотивируется ритмическим распространением миграционных волн ранних индоевропейских племен в исторические места их обитания и нового расселения на протяжении последних пяти-шести, возможно, и восьми тысяч лет. Проследить процесс зарождения, формирования и распространения архитектурного морфотипа центрического жилища необходимо для того, чтобы получить ясное представление о том, куда именно и какими путями продвигались носители ранних индоевропейских диалектов с территории, охватывающей область между и вокруг озер Севан, Ван и Урмия на Армянском нагорье и в прилегающей части Передней Азии. Весьма вероятно, что архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища как универсальная константа индоевропейской созидательной мысли и творческого мастерства является отражением реальных переселений носителей диалектов греческо-армянско-арийской этноязыковой общности в глубокой древности [12].

Удивляет невероятное, поразительное совпадение этноисторического ареала генезиса, распространения и эволюции древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом, находящимся посередине квадратной жилой ячейки, с последней по времени всеобъемлющей теорией локализации прародины индоевропейцев в Передней Азии, в естественно-историческом

ареале двух озер – Ван и Урмия, и направления движения миграционных волн ранних индоевропейских племен в исторические места их обитания на территории Евразии [4–6].

Обрашались ли мастера архитектуры раннехристианской эпохи к древнейшим индоевропейским традициям центрического домостроительства, и получили ли эти традиции преемственное творческое истолкование в зарождающейся монументальной центрально-купольной архитектуре стран христианского Востока и Византии? Вероятно, зодчие эпохи древности и первых веков христианства осознали, что архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища может стать композиционным ядром, формообразующей основой и главенствующей объемной ячейкой впервые творимых ими произведений центрально-купольной мемориальной и культовой архитектуры, потому что оно является универсальной плановой композицией и пространственно-тектонической структурой, многофункциональной по назначению и обладающей на редкость особыми генеративными свойствами, символическим смыслом, возвышенным образом. Ведь для новой идеологии раннесредневекового общества требовались абсолютно новые, иные общественные здания и сооружения, возводившиеся с учетом вновь возникавших социальных, погребальных и сакральных потребностей, поистине новаторских социальных заказов и существовавшего уровня социальных отношений, специфики образа жизни, состояния духовности и потенциала интеллектуальной деятельности, т. е. строившихся по нормам и правилам новой строительной программы в соответствии с космогонической системой пространственных представлений о сущности мироздания.

Предельная архитектурность и цельность композиционного замысла обусловили гармонический строй и строгую соподчиненность иерархической структуры внутреннего пространства древнейшего

центрического жилища и, что удивительно, при этом каждый из 10 элементов внутреннего пространства не теряет самостоятельности, художественной согласованности, композиционного и структурного единства. Это условно обособленные геометрически четкие конфигурации каждого из 10 структурно составляющих объемных элемента, обрамляющих и образующих иерархически дифференцированное внутреннее пространство центрического жилища, а именно: куполоподобный уступчатый свод (1); квадрат основания центрального кубовидного ядра с тропами над углами (2), составляющий сердцевину четырех равноконечных кубовидных рукавов креста (4; 6; 12; 23) и таких же четырех межрукавных кубовидных угловых помещений (12; 16; 24; 26–28; 34), объединенных единством идейного замысла праиндоевропейского творца.

По структуре внутреннего пространства и характеру расстановки столбов в интерьере и, следовательно, по устройству перекрытия можно определить несколько разновидностей архитектурного морфотипа центрического жилища, составляющих две группы: первая, *с пристенными опорами* – 12-столбный $/2 \times 4 + 4/$, а вторая, *со свободно стоящими опорами* – 2-столбный $/1 + 1/$, далее 3-столбный $/2 + 1/$, затем 4-столбный $/2 + 2/$ и, реже, 8-столбный $/2 \times 4/$. Конкретные цифровые обозначения в наклонных скобках указывают не столько на количество столбов, сколько на их позицию в плановой и пространственной структуре интерьера, являющуюся наиболее важной особенностью композиции и архитектоники центрического жилища.

В первой разновидности композиции интерьера пирамидально-уступчатое перекрытие опирается на 12 пристенных столбов, ритмично установленных по внутреннему периметру стен квадратного или прямоугольного помещения, из которых в интерьере выделяются 8 промежуточных столбов, исключая угловые, поддерживающие основу восьмигранного перекрытия над всей площадью зального помещения. Если точ-

нее, то все пристенные столбы поддерживают углы квадрата основания (1-й ряд – поверх всех опор) и места опоры балок первого восьмигранника (2-й ряд) пирамидально-уступчатого перекрытия. Восемь пристенных столбов являются определяющими размеров устремленных к светодымовому отверстию граней и, расчленивая стены на ритмично равные отрезки, как бы смягчают переход от квадратного основания к восьмигранному. Разумным творческим приемом древнейшие индоевропейские мастера зодчества создали на основе жилой ячейки единое, цельное и просторное помещение, монументальное и величественное зальное пространство интерьера, равномерно освещаемое верхним светом, льющимся из светодымового отверстия и подчеркивающим центричность и вертикализм его композиции. Это ускорило формирование в восточно-христианской архитектуре уникального образца «купольного зала», в котором мощные пилоны, поддерживающие купол, примыкают к продольным и поперечным стенам, благодаря чему достигается нерасчлененность внутреннего пространства. Архитектурный морфотип храма, названный в европейской архитектуроведческой науке “Kuppelhalle”, характерен для монументальной центрально-купольной архитектуры раннесредневековой Армении, Грузии и Агвании.

В разновидности композиции интерьера со свободно стоящими опорами при *2-столбном варианте* столбы расставлены по продольной оси центрического жилища и каждый из них под серединой главных поперечных балок, поддерживающих пирамидально-уступчатое перекрытие со светодымовым отверстием в вершине.

При *3-столбном варианте* – под ближней от дверного проема поперечной балкой в местах образования углов первого квадрата основания пирамидально-уступчатого перекрытия устанавливаются два столба, в результате получается логичная художественно осмысленная конструктивная система

с более изящным средним пролетом, где подбалкой объединяются оба передних столба. Третий столб устанавливается под серединой дальней от дверного проема поперечной балки и вместе с дополняющей ее сверху подбалкой оказывается между углами нижнего, первого квадрата основания пирамидально-уступчатого перекрытия.

В каждом из обоих вариантов планово-пространственной композиции дальние от дверного проема отдельно стоящие столбы в интерьере, обращенные более освещенной лицевой стороной к входящему, являются главными и, как правило, внутренняя плоскость таких столбов вместе с подбалкой покрывается богатой и глубокой трехгранно-выемчатой резьбой, что придает им торжественный вид.

В 2-столбном интерьере дверной проем устроен точно по продольной оси симметрии, поскольку входящий в центрическое жилище видит, прежде всего, передний столб, воспринимаемый силуэтом, поэтому обычно его смещают немного в сторону от оси с той целью, чтобы открыть входящему вид на лицевую поверхность заднего, главного столба, всегда богато оформленного, хорошо освещенного как днем, так и ночью. В этом творческом приеме, заслуживающем особого внимания, зодчий проявил художественный такт, учел законы психологии зрительного восприятия. Радикально иной творческий прием воплощен в 3-столбном интерьере центрического жилища, где взору входящего открывается сверкающий в пространственной глубине, между передней парой столбов в великолепном художественном убранстве, главный столб с подбалкой. Слово по центру деревянного 2-столбного ордера в глубине интерьера, напротив дверного проема и находящийся с ним на одной продольной оси симметрии, из земли вырастает расширяющийся кверху и покрытый оригинальным орнаментально-декоративным мотивом ведущий элемент интерьера центрического жилища – главный столб,

органично переходящий в изящную по форме и декору подбалку, хорошо освещаемую естественным светом. Такой композиционный прием отчетливо выявляет главенствующую роль парадного столба и способствует становлению художественного образа внутреннего пространства центрического жилища, что, в свою очередь, непосредственно связано с созданием наилучших условий для восприятия главного столба.

Значительным этапом эволюции плановой композиции и пространственной структуры древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и отверстием в зените над открытым очагом стала *4-столбная разновидность*, когда четыре свободно стоящих столба расставлены симметрично вдоль продольной и поперечной осей, так же симметрично и от вертикальной оси. Неустанный творческий поиск оптимального варианта создания значительной и устойчивой пространственно-тектонической структуры привел к идее, генетически продолжающей предыдущие творческие достижения народных мастеров зодчества: четыре свободно стоящих столба, расставленные строго под углами квадрата основания пирамидально-уступчатого перекрытия, четко обозначали центральное ядро с очагом посередине, являющееся ритуальным, священным местом в древнейшем центрическом жилище. В композиции плана с прямоугольными наружным и внутренним контурами образовалось идентичное сакральное ядро – композиционный, семантический и символический центр иерархически организованного жилого пространства, интерьера древнейшего центрического жилища патриархальной семейно-родовой общины. К тому же, благодаря установке четырех столбов под квадратом основания пирамидально-уступчатого перекрытия образовалось не только сакрально-ритуальное ядро центрического жилого пространства: деревянные столбы и каменные стены древнейшего центрического жилища, как в плановой компози-

ции, так и в пространственной структуре, обозначили также контурное очертание *свободного креста*, т. е. раннего образца «*sgoix libre*» – архитектурного морфотипа обычного крестовидного, или крестообразного, купольного храма в истории мировой архитектуры.

Более того, в композиции квадратного или слегка удлиненного плана центрического жилища образовался вписанный крест с равноконечными рукавами, реже одним, немного удлиненным западным рукавом, и вертикально возвышенным объемом куполовидного уступчатого свода над квадратом средокрестия. По существу – это один из первых образцов «*sgoix inscrite*» в истории мировой архитектуры, составляющий стержневую основу морфотипа крестово-купольных храмов. Фактически мастера армянского, а также грузинского, агванского народно-зодчества предвосхитили формирование архитектурных морфотипов храмов «тетраконх с четырьмя подкупольными устоями» и обычного «тетраконха» в монументальной центрально-купольной архитектуре раннесредневековой Армении, Грузии и Агвании.

Вершиной совершенства пространственно-тектонической структуры древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом стала *8-столбная разновидность* плано-пространственной композиции интерьера. Это когда 8 свободно стоящих столбов, попарно расставленных под углами квадрата основания пирамидально-уступчатого перекрытия, как бы отсекают углы квадрата, отделяя их по вертикали от основного объема, тем самым укорачивают диагонали квадрата почти до размера его осей, что придает центральной ячейке округлое очертание, форму неправильного восьмигранника с четырьмя короткими сторонами по диагоналям. Созданием 8-столбного варианта центрического жилища мастера армянского народного зодчества предвосхитили формирование архитектурных

морфотипов «тетраконх с угловыми трехчетвертными нишами» и «октагон» в монументальной центрально-купольной архитектуре раннесредневековой Армении, Грузии и Агвании.

Вполне закономерно, что столь оригинальный архитектурный морфотип центрического жилища стал стержневой основой и исторически обоснованной однородной творческой платформой созидания абсолютно новых по архитектурному типу, форме и образу монументальных центрально-купольных зданий, соответствующих каноническим нормам, художественным принципам, мемориальному обряду и культовому ритуалу восточнохристианского богослужения.

Как ни парадоксально, но еще в должной мере не определена степень важности и значимости раннеармянской и древнеиранской эстетически-творческой мысли, их совершенно уникальных строительно-технических открытий в процессе развития монументальной архитектуры стран христианского Востока и Византии, а по истечении нескольких столетий – и мусульманского Востока. Такое состояние научной проблематики не позволяет предельно объективно этнически атрибутировать отдельные архитектурные явления в свете дилеммы «Orient oder Rom». В подтверждение сказанного уместна профессиональная мысль А. В. Кузнецова: «Еще не выяснено, где раньше был применен т р о м п (разрядка наша. – В. Б.) – в Армении или в Персии. Более вероятно, что в Персии. Однако разнообразие форм тромпов и совершенное выполнение их в тесанной каменной кладке говорит о самостоятельном творчестве армянских и грузинских зодчих» [18].

Успехи азербайджанской школы архитектуроведения позволяют продолжить мысль известного теоретика и историка архитектуры и строительной техники дополнением новой информации, добытой при тщательных археологических раскопках и натуральных обследованиях развалин храмов, свидетель-

ствующей о поистине оригинальных творениях агванских зодчих. Азербайджанские ученые ввели в мировой научный обиход сведения и материалы обо всех выявленных во второй половине XX в., архитектурных морфотипах раннехристианских памятников центрально-купольной композиции в исторической Агвании.

Тема центрального жилища явилась психологической основой для развития в странах Кавказа и прилегающей части Передней Азии, а также сопредельных и окружающих их единовременных странах, а также в странах Средней и Центральной Азии монументальной центрально-купольной архитектуры и подтверждает автохтонность процесса ее зарождения и пути формирования. Являясь автохтонной, корневой основой, центрическое жилище, имеющее нередко анты «... с открытым очагом в центре, со столбами близ очага и некоторыми другими подробностями относится к древнейшему типу мегарона», и, судя по археологическим данным, на кавказской почве «своими корнями уходит к началу и первой половине III тысячелетия до н. э.», т. е. к знаменитой Куро-Араксской культурно-исторической эпохе [2].

В столь отдаленные времена, еще до нашей эры, обживая центральную и западную части Южного Кавказа, протогрузинские зодчие, удивляясь и восхищаясь архитектурой и строительной техникой древнейшего центрального жилища, со всей искренностью стали осмысливать его, потому что идентичного архитектурного морфотипа центрального жилища, подлинного и первосущного, они не знали вообще. Освоив то, что в условиях Южного Кавказа стало близким национальному духу и образу жизни прагрузинской этнодиалектной общности, художественно обогатив своим молодым и полнокровным вдохновением, протогрузинские зодчие начали творить, дополнять и обогащать архитектуру древнейшего центрального жилища, превращая его в национальное достояние, особую культурно-экологическую реальность последующего времени.

Национальный менталитет грузинского этноса и природные условия Южного Кавказа не только детерминировали развитие архитектуры древнейшего центрального жилища, но и явились фактором вживания грузин в индоевропейское центрическое микропространство. Именно тогда и случилось то странное и разумное явление, которое необходимо многоаспектно и, по возможности, полно истолковать с приглашением специалистов по древней истории и исторической географии, исторической антропологии и лингвистике, исторической этнологии и археологии, и, разумеется, истории искусства, архитектуры и строительной техники Грузии. Представители грузинской гуманитарной науки, исследуя процесс зарождения и пути формирования архитектуры центрального жилища Восточной Грузии эпохи древности и средних веков, серьезно полагая, что они наследуют исконно национальные архитектурные традиции центрального домостроительства, фактически изначально наследовали и постигали творческие достижения того издревле обитающего на Южном Кавказе аборигенного этноса, которое породило это жилище, прежде им вовсе не ведомое, – жилище древнейших индоевропейцев, т. е. ранних армян и древних иранцев.

Рассуждая образно, они, пользуясь алфавитом древнеармянского и древнеиранского языков, писали тексты на индоевропейские темы. Применительно к архитектуре центрального домостроительства получается утонченная реальность: будучи грузинами по происхождению, получив творческое образование у древнеармянских или древнеиранских зодчих, они оказались индоевропейцами по стилю мышления и художественного выражения. Они с целью создания для жизнеобеспечения приемлемой микропространственной ячейки обратились к первоистокам архитектуры центрального домостроительства и именно к той, ставшей уже и для них родной, первозданной земле, которая

предельно насыщена энергетикой совокупной памяти предков и импульсирует столь важные и необходимые человеческому организму биоэнергетические потоки, укрепляющие силу и сознание человека, находящегося еще во чреве матери, и до самого зрелого возраста. Этими первоисточниками являются разновидности архитектурного морфотипа древнейшего центрального жилища, сооружаемые с глубочайшей древности на территории Армянского нагорья, Южного и Центрального Кавказа, а впоследствии также на территории Малой Азии и Балканского полуострова на Западе, и на территории Ирана, Афганистана, Средней Азии и Северо-Западной Индии на Востоке.

Действительно, центрические архитектурные творения скорее приближают их к индоевропейским умонастроениям, чем к грузинским. Хотя и те, и другие с давних времен определяются как кавказское этническое и культурное явление, которое наряду с мегарегиональной индоевропейской языковой и культурной подосновой составляют общекавказский этнокультурный мир [3]. Идентична мотивация распространения архитектурного морфотипа древнейшего центрального жилища и на территории исторической Агвании – нынешнего Азербайджана, т. е. восточной части Южного Кавказа, входящей в зону развития и распространения куро-аракской археологической, в частности домостроительной, культуры [1; 13; 15; 17; 22]. Ныне, оглядываясь с высоты прожитых лет, мы вправе отметить: для народов современного Южного Кавказа – индоевропейцев-армян, иберийцев-грузин и тюрков-азербайджанцев, радикально отличающихся психологическим складом и этническим менталитетом, свойственно разное направление мыслей и различное умонастроение, миропонимание и мироощущение, им присуще различное самовыражение идеалов общества и государства.

Важно принять во внимание, что пирамидально-уступчатое куполообразное очертание перекрытие с верхним

светом – это основной элемент центрального жилища, который получил дальнейшее преемственное развитие в самых первых монументальных мемориальных и культовых сооружениях раннесредневековых стран Кавказа и Византии, а позднее и других стран Восточной и Юго-Восточной Европы, Передней, Средней и Центральной Азии. Сравнительный анализ организации структуры внутреннего пространства, создания конструктивной системы и художественной формы центрального жилища и монументальных памятников центрально-купольной архитектуры показывает, что главное в многовековом опыте строительства жилища, усыпальницы и церкви, мавзолея и мечети – это идея купольности. Естественно возникает вопрос: каковы способы и приемы перевоплощения пирамидально-уступчатого куполообразного очертания деревянного перекрытия центрального жилища в идеальный полусферический свод – каменный, а позже и кирпичный, купол? Каков процесс преобразования, идентичного по функции и символике, но различного по конструктивному решению и технологическому исполнению, сфероидальной формы перекрытия в венчающий церковь или мавзолей купол [30–32]?

Несомненно, на протяжении тысячелетий архитектурный морфотип древнейшего центрального жилища непрерывно преобразовывался и развивался, ибо индоевропейские мастера особое внимание уделяли совершенствованию идеи купольности, т. е. плановой композиции и пространственно-тектонической структуры и формы. Праиндоевропейские протогреческие, протоармянские и протоиранские зодчие как ведущие авторы созданной ими в глубокой древности новаторской идеи купола на квадрате, в ее творческой разработке достигли реальных успехов. Непрерывно осмысливая конструктивную систему и художественную форму архитектурного морфотипа древнейшего центрального жилища, мастера древнеармянско-

го зодчества развили идею купольности до мыслимого абсолюта. Именно поэтому вполне закономерен факт происхождения предельно оригинальных архитектурных морфотипов храмов раннехристианской Армении и всего Южного Кавказа. Однако здесь не менее важно отметить, что в разработку идеи купола на квадрате, являющегося основной сущностью и главенствующим смыслом центрического жилища, в выработку архитектурной структуры и художественного образа купольных сооружений, строившихся на протяжении около двух тысячелетий почти во всех странах христианского Востока и исторической Византии, а впоследствии и мусульманского Востока, наряду с армянскими мастерами внесли свой весомый творческий вклад и иранские зодчие. Вероятно, зарождавшаяся культура христианского мира, конкретнее, формировавшаяся восточнохристианская архитектура воспользовалась раннеармянскими и древнеиранскими инвенциями, уходящими своими корнями вглубь тысячелетий, т. е. к древнейшей индоевропейской традиции центрического домостроительства [9; 14; 21; 29].

Архитектуроведческой наукой почти установлено, что идея купола на квадрате получила творческое воплощение в Сасанидском Иране уже в III в. и вскоре была востребована формообразовательным процессом в странах христианского, а затем и мусульманского Востока, где купол в монументальном мемориальном и культовом зодчестве, за очень редкими исключениями, покоится на квадратном основании так же, как в древнейшем центрическом жилище. В то же время, и это следует принять во внимание, когда первые византийские купольные церкви возводились по эллинистическим и древнеримским строительным традициям, т. е. преимущественно на округлом основании ротонды или октагона, и когда в византийских церквах применялся исключительно парусный переход от квадрата к кругу, уже тогда в странах христианского Вос-

тока пользовались преимущественно системой тропов. Одними из первых объектов возведения купола на квадратном основании посредством тропов и парусов считаются зороастрийские храмы Огня, возведенные в III–V вв. в Сасанидском Иране. Восхищает идентичность приема тропового перехода от квадрата к многоугольнику или кругу в монументальной купольной архитектуре и в древнейшем центрическом жилище, где в точности повторяется система угловой укладки [11; 19; 33].

Таким образом, генезис и эволюция архитектурных морфотипов центрического жилища и купольного храма (мавзолея) в одном и том же этнолингвистическом и этнокультурном ареале, но в различные исторические эпохи является историко-художественным фактом первостепенной важности и всеобщей значимости. Более того, рассматривая время зарождения, период формирования и пути распространения архитектурного морфотипа древнейшего центрического жилища как яркое, весомое, зримое этнокультурное явление и как реальный историко-архитектурный процесс, генерируемый в определенном естественно-географическом пространстве – в биосфере Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии, и в конкретные историко-хронологические интервалы – в эпоху энеолита, ранней, средней, поздней бронзы и раннего железа, средних веков (6-е тыс. до н. э. – 2-е тыс. н. э.), убедительно свидетельствующий о незыблемости новаторской теории Т. В. Гамкрелидзе – В. В. Иванова о локализации прародины ранних индоевропейцев в Передней Азии [3; 7–8]. Древнейшее центрическое жилище как архитектуроведческий источник является важным *определителем* процесса филиации праиндоевропейской этнодиалектной общности и четким *показателем* иррадиации миграционных волн ранних индоевропейских племен в исторические места их обитания на территории Евразии.

Историки материальной культуры утверждают, что по памятникам архитектуры и строительной техники как архитектуроведческим источникам, даже по отдельным сохранившимся развалинам и руинам их, вполне возможно реанимировать былую жизнь создавшего их этноса и унаследовавших это наследие и творческие традиции народов, их повседневный быт и идеологию, нравы, морали, вкусы, обычаи, обряды и ритуалы – все аспекты *мироощущения* общества в эпохи строительства и функционирования того или иного памятника архитектуры. Надо полагать, что архитектурное наследие является материализованным свидетельством определенной культурно-исторической эпохи и позволяет воссоздать весь комплекс национальной ментальности, психического склада и социального уклада, мировоззрения и мироощущения конкретного этноса, т. е. его главных духовных и интеллектуальных качеств, обычно являющихся оплотом и основанием самосохранения и укрепления единства, стойкости наций и развития их государственности. Памятник архитектуры – это ясно и точно выраженная талантом зодчего глубинной и содержательно-изложенной мысли конкретного общества, воплощенной в материале (дереве, камне, кирпиче и пр.). Это окаменевшая мысль общества, эстетически выраженная мастерством зодчего, творца из того же народа. В памятнике архитектуры, как в зеркале, отражаются мироощущение создавшего его этноса и уровень его интеллектуального потенциала, специфический характер культурно-исторической эпохи.

Преемственное развитие монументальной мемориальной и культовой архитектуры стран христианского и мусульманского Востока и исторической Византии от исходных форм народного зодчества, насчитывающего тысячелетние традиции – это неоспоримый факт, имеющий, как мы видим, весьма убедительную доказательную основу. Вместе с тем необходимо всегда четко осознавать исключительную важность и эпохальную значимость великой, уже ставшей исторической, миссии Древней Армении и Сасанидского Ирана в становлении художественной культуры безмолвного мира средневековья, реально осязать и ощущать весомость их творческого вклада в процесс изначального формирования архитектурного морфотипа мемориальных и культовых сооружений монументальной центрально-купольной архитектуры передовых стран христианского Востока и исторической Византии, а затем и мусульманского Востока.

В заключение нашей концепции стоит обратить внимание на следующий немаловажный по смыслу и значимости методологический акцент: автор этой статьи всегда стремится к истине, но никогда на нее не претендует. Он лишь вносит свой, хоть незначительный, но личный исследовательский вклад в научное утверждение новаторской теории Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова о локализации прародины индоевропейцев на территории Южного Кавказа и прилегающей части Передней Азии, а конкретнее, на просторах Армянского нагорья, и реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры, истинно научной теории, ставшей подлинно эпохальной в развитии гуманитарных наук.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахундов, Д. А. Архитектура древнего и средневекового Азербайджана / Д. А. Ахундов. – Баку, 1986.
2. Бардавелидзе, В. В. Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии : в 2 т. / В. В. Бардавелидзе. – Тбилиси, 1974. – Т. 1. – С. 217.
3. Бесолов, В. Б. Центральнокавказский этнокультурный мир : индоевропейские константы и этногенетические ритмы в свете всеобъемлющей теории этногенеза Л. Н. Гумилева / В. Б. Бесолов // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии : материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося евразийца XX века Л. Н. Гумилева : в 2 т. – Санкт-Петербург, 2002. – Т. 1. – С. 179–185.

4. **Бесолов, В. Б.** Палеоархитектурный морфотип реликтового центрического жилища горной Евразии как традиционная константа глобальных этнических процессов / В. Б. Бесолов // Сборник научных трудов № 1(1) Североосетинского отделения Международной Академии наук высшей школы Российской Федерации. – Владикавказ, 2003. – С. 220–226.
5. **Бесолов, В. Б.** Архитектура древнейших центрических сооружений горной Евразии в свете индоевропейской дилеммы “Orient oder Europa” / В. Б. Бесолов // XXXVII Всемирный конгресс востоковедов (ICANAS-37) : тезисы докладов. – Москва, 2004. – Т. 2. – С. 751–753.
6. **Бесолов, В. Б.** Структура пространства и архитектоника формы реликтового центрического жилища горных экосистем (Кавказо-Памирский ареал) / В. Б. Бесолов // XXXVII Всемирный конгресс востоковедов (ICANAS-37) : тезисы докладов. – Москва, 2004. – Т. 2. – С. 753–756.
7. **Бесолов, В. Б.** Древнейшее центрическое жилище Передней Азии как рудиментарная основа формирования раннесредневековой центральнокупольной архитектуры стран христианского и мусульманского Востока / В. Б. Бесолов // XXXVIII Всемирный конгресс востоковедов (ICANAS-38) : тезисы докладов. – Анкара, 2007. – С. 329–331.
8. **Бесолов, В. Б.** Морфогенез и типология пространственно-тектонической структуры древнейшего центрического жилища Евразии как фундаментальная проблема архитектуроведения / В. Б. Бесолов // Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез : тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 44–47.
9. **Бесолов, В. Б.** Строительный материал и конструктивный принцип как основа пространственно-тектонической структуры и архитектурной формы древнейшего центрического жилища Переднего Востока / В. Б. Бесолов // Актуальные проблемы бетона и железобетона: материалы и конструкции, расчет и проектирование : сборник статей и тезисов докладов. – Кисловодск, 2010. – С. 6–20.
10. **Бесолов, В. Б.** Архитектоническая сущность идеи купол на квадрате как кристаллизация созидательной мысли древних индоевропейских зодчих и строителей центрических жилищ / В. Б. Бесолов // Актуальные проблемы бетона и железобетона: материалы и конструкции, расчет и проектирование) : сборник статей и тезисов докладов. – Кисловодск, 2010. – С. 88–99.
11. **Воронина, В. Л.** Архитектура Ирана сасанидского периода / В. Л. Воронина // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 1 : Архитектура древнего мира. – Москва, 1970. – Москва, 1944.
12. **Гамкрелидзе, Т. В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы : Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 кн. / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси : Изд-во ТбГУ, 1984. – С. 956–957.
13. **Геюшев, Р. Б.** Христианство в Кавказской Албании / Р. Б. Геюшев. – Баку, 1984.
14. **Гиршман, Р. М.** Происхождение «чахартака» / Р. М. Гиршман // История и археология Средней Азии. – Ашхабад, 1978. – С. 37–40.
15. **Иеромонах Алексей (Никонов).** История христианства в Кавказской Албании / Алексей иеромонах. – Махачкала, 2012.
16. **Ильина, М. И.** Древнейшие типы жилищ Закавказья / М. И. Ильина // Сообщения Института истории и теории архитектуры АН СССР. – Москва, 1946.
17. **Карахмедова, А. А.** Христианские памятники Кавказской Албании / А. А. Карахмедова. – Баку, 1985.
18. **Кузнецов, А. В.** Тектоника и конструкция центрических зданий. Т. 1 : Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / А. В. Кузнецов. – Москва, 1951. – С. 104.
19. **Луконин, В. Г.** Persia II / В. Г. Луконин. – New-York, 1967.
20. **Луконин, В. Г.** Искусство Древнего Ирана / В. Г. Луконин. – Москва, 1977.
21. **Маилов, С. А.** К вопросу о значении идеи «купола на квадрате» в архитектуре / С. А. Маилов // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен : тезисы докладов III Всесоюзной научной конференции. – Москва, 1979. – С. 50–52.
22. **Мамедова, Г. Г.** Зодчество Кавказской Албании / Г. Г. Мамедова. – Баку, 2004. – 224 с.
23. **Пугаченкова, Г. А.** Пути развития архитектуры Южного Туркменистана – пути рабовладения и феодализма / Г. А. Пугаченкова // Труды ЮТАКЭ. – Москва, 1958. – Т. 6.
24. **Пугаченкова, Г. А.** История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX века / Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. – Москва, 1965.
25. **Пугаченкова, Г. А.** Искусство Туркменистана : Очерк с древнейших времен до 1917 года / Г. А. Пугаченкова. – Москва, 1967.

26. **Пугаченкова, Г. А.** Очерки искусства Средней Азии: древность и средневековье / Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. – Москва, 1982.
27. **Руденко, С. И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С. И. Руденко. – Москва ; Ленинград, 1960.
28. **Руденко, С. И.** Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.) / С. И. Руденко. – Москва, 1961.
29. **Фаэнзен, Х.** К вопросу о зарождении архитектуры церквей с крестообразным основанием и центральным куполом : 2-й Международный симпозиум по армянскому искусству / Х. Фаэнзен. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1978. – 18 с.
30. **Чубинашвили, Г. Н.** К вопросу о начальных формах христианского храма / Г. Н. Чубинашвили // Тезисы докладов 7-й Всесоюзной конференции византинистов. – Тбилиси, 1965. – С. 82–83.
31. **Чубинашвили, Г. Н.** К вопросу о начальных формах христианского храма / Г. Н. Чубинашвили // ВВ. – Москва, 1972. – Т. 33. – С. 158–165.
32. **Чубинашвили, Г. Н.** К вопросу о начальных формах христианского храма : 2-й Международный симпозиум по грузинскому искусству / Г. Н. Чубинашвили. – Тбилиси ; Мецниереба, 1977. – 20 с.
33. **Godard, A.** L'art del Iran / A. Gorard. – Paris, 1962.
34. **Petrescu, P.** Zur typologie der Volksarchitektur im Kaukasus / P. Petrescu // Revue roumaine d'histoire de l'art. Serie Beaux Arte. – Bucuresti, 1971. – Vol. 8. – P. 187–206.
35. **Strzygowski, J.** Die Baukunst der Armenier und Europa / J. Strzygowski. – Wien, 1918. – Bd. 1–2. – С. 365.

Поступила 18.09.2014 г.

Об авторах:

Бесолов Владимир Бутусович, руководитель Северо-Кавказского академического центра Международной Академии архитектуры (Россия, г. Алагир, ул. Алагирская, д. 94), archgrad101@yandex.ru

Бесолов Аристарх Владимирович, аспирант кафедры кавказоведения, истории древнего мира и средних веков Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46), archgrad101@yandex.ru

Для цитирования: Бесолов, В. Б. Архитектура древнейшего центрического жилища кавказо-памирского мегарегиона как лоно кристаллизации творческой идеи «купол на квадрате» / В. Б. Бесолов, А. В. Бесолов // Вестник Мордовского университета. – 2015. – Т. 25, № 1. – С. 110–127. DOI: 10.15507/VMU.025.201501.110

REFERENCES

1. Akhundov D. A. Arkhitektura drevnego i srednevekovogo Azerbaydzhana [Architecture of ancient and medieval Azerbaijan]. Baku, 1986.
2. Bardavelidze V. V. Traditsionnye obshchestvenno-kultovye pamyatniki gomoy Vostochnoy Gruzii: v 2 t. [Traditional public and ceremonial monuments of mountainous areas of Georgia: in 2 volumes]. Tbilisi, 1974, vol. 1, 217 p.
3. Besolov V. B. Tsentralnokavkazskiy etnokulturnyy mir: indoevropskie konstanty i etnogenicheskie ritmy v svete vseobemlyushchey teorii etnogeneza L. N. Gumileva [Ethnocultural world of Central Caucasus: Indo-European constants and ethnogenetic rhythms in terms of the universal theory of ethnogenesis of L. N. Gumilev]. *Lev Nikolaevich Gumilev. Teoriya etnogeneza i istoricheskie sudby Evrazii: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya evraziytsa XX veka L. N. Gumileva: v 2 t.* – Lev Nikolaevich Gumilev. Theory of ethnogenesis and historical fates of Eurasia: materials of scientific conference devoted to ninetieth anniversary of birth of an outstanding eurasianist Lev Nikolaevich Gumilev: in 2 volumes. Saint-Petersburg, 2002, vol. 1, pp. 179–185.
4. Besolov V. B. Paleoarkhitekturnyy morfotip reliktovego tsentricheskogo zhilishcha gornoy Evrazii kak traditsionnaya konstanta globalnykh etnicheskikh protsessov [Paleoarchitectural morphotype of relict centrally-planned dwelling of mountainous regions of Eurasia as a traditional constant of global ethnic processes]. *Sbornik nauchnykh trudov № 1(I) Severo-osetinskogo otdeleniya Mezhdunarodnoy Akademii nauk vysshey shkoly Rossiyskoy Federatsii* – Collected works no. 1 by Northern Ossetian branch of International Higher Education Academy of Sciences]. Vladikavkaz, 2003, pp. 220–226.

5. Besolov V. B. Arkhitektura drevneyshikh tsentricheskikh sooruzheniy gornoy Evrazii v svete indoevropeyskoy dilemmy “Orient oder Europa” [Architecture of the earliest centrally-planned buildings of mountainous regions of Eurasia in the context of Indo-European dilemma “Orient oder Europa”]. *XXXVII Vsemirnyy kongress vostokovedov (ICANAS-37): tezisy dokladov – XXXVIIth International congress of orientologists (ICANAS-37): scientific conference abstracts*. Moscow, 2004, vol. 2, pp. 751–753.
6. Besolov V. B. Struktura prostranstva i arkhitektonika formy reliktoivogo tsentricheskogo zhilishcha gornyykh ekosistem (Kavkazo-Pamirskiy areal) [Spatial structure and architectonics of shape of relict centrally-planned dwelling of mountainous eco-systems]. *XXXVII Vsemirnyy kongress vostokovedov (ICANAS-37): tezisy dokladov – XXXVIIth International congress of orientologists (ICANAS-37): scientific conference abstracts*. Moscow, 2004, vol. 2, pp. 753–756.
7. Besolov V. B. Drevneyshee tsentricheskoe zhilishche Peredney Azii kak rudimentarnaya osnova formirovaniya rannesrednevekovoy tsentralnokupolnoy arkhitektury stran khristianskogo i musulmanskogo Vostoka [The earliest centrally-planned dwelling of Western Asia as a rudimentary basis for formation of early-medieval central dome architecture of Christian and Islamic countries of the East]. *XXXVII Vsemirnyy kongress vostokovedov (ICANAS-37): tezisy dokladov – XXXVIIth International congress of orientologists (ICANAS-37): scientific conference abstracts*. Ankara, 2007, pp. 329–331.
8. Besolov V. B. Morfogenez i tipologiya prostranstvenno-tektonicheskoy struktury drevneyshego tsentricheskogo zhilishcha Evrazii kak fundamentalnaya problema arkhitekturevedeniya [Morphogenesis and typology of spatial and tectonic structure of the earliest centrally-planned dwelling of Eurasia as a fundamental problem of architecture studies]. *Fundamentalnye problemy prostranstvennogo razvitiya Yuga Rossii: mezhdistsiplinarnyy sintez : tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Rostov-na-Donu, 2010, pp. 44–47.
9. Besolov V. B. Stroitelnyy material i konstruktivnyy printsip kak osnova prostranstvenno-tektonicheskoy struktury i arkhitekturnoy formy drevneyshego tsentricheskogo zhilishcha Perednego Vostoka [Construction material and constructive principle as a basis of spatial tectonic structure and architectural form of earliest centrally-planned building of Western Asia]. *Aktualnye problemy betona i zhelezobetona (Materialy i konstruktii, raschet i proektirovanie): sbornik statey i tezisov dokladov – Contemporary issues of concrete and armored concrete (Materials and constructions, estimation and designing): collected works*. pp. 6–20.
10. Besolov V. B. Arkhitektonicheskaya sushchnost idey kupol na kvadrate kak kristallizatsiya sozidatelnoy mysli drevnikh indoevropeyskikh zodchikh i stroiteley tsentricheskikh zhilishch [Architectonic essence of dome on a square idea as crystallization of creative thought of ancient Indo-European architects and constructors of centrally-planned buildings]. *Aktualnye problemy betona i zhelezobetona (materialy i konstruktii, raschet i proektirovanie): sbornik statey i tezisov dokladov – Contemporary issues of concrete and armored concrete (Materials and constructions, estimation and designing): collected works*. Kislovodsk, 2010, pp. 88–99.
11. Voronina V. L. Arkhitektura Irana sasanidskogo perioda [Architecture of Iran during the Sasanian phase] *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t. T. 1: Arkhitektura drevnego mira – Universal history of architecture: in 12 volumes, vol. 1*. Moscow, 1970, Moscow, 1944.
12. Gankrelidze T. V., Ivanov V. V. Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeysy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokultury: v 2 kn. [Indo-European language and Indo-Europeans: reconstruction and historical and typological analysis of ancestor language and protoculture: in 2 volumes]. Tbilisi, TbilSU Publ., 1984, pp. 956–957.
13. Geyushev R. B. Khristianstvo v Kavkazskoy Albanii [Christianity in Caucasian Albania]. Baku, 1984.
14. Girshman R. M. Proiskhozhdenie “chakhartaka” [Origin of “chakhartak”]. *Istoriya i arkheologiya Sredney Azii – History and archeology of Central Asia*. Ashkhabad, 1978, pp. 37–40.
15. Ieromonakh Aleksiy (Nikonorov). Istoriya khristianstva v Kavkazskoy Albanii [History of Christianity in Caucasian Albania]. Makhachkala, 2012.
16. Iliina M. I. Drevneyshie tipy zhilishch Zakavkazya [The earliest dwellings of South Caucasus]. *Soobshcheniya Instituta istorii i teorii arkhitektury AN SSSR – Reports of the Institute of History and Theory of Architecture of AS USSR*. 1946.
17. Karakhmedova A. A. Khristianskie pamyatniki Kavkazskoy Albanii [Christian monuments of Caucasian Albania]. Baku, 1985.
18. Kuznetsov A. V. Tektonika i konstruktsiya tsentricheskikh zdaniy. T. 1: Antichnost. Srednie veka. Epokha Vozrozhdeniya [Tectonics and construction of centrally-planned buildings. Vol. 1: Ancient world. Middle Ages. Renaissance]. Moscow, 1951, pp. 104.

19. Lukonin V. G. Persia II. New York, 1967.
20. Lukonin V. G. *Iskusstvo Drevnego Irana* [Arts of the ancient Iran]. Moscow, 1977.
21. Mailov S. A. K voprosu o znachenii idei "kupola na kvadrate" v arkhitekture [On the problem of the meaning of "dome on a square" concept in architecture]. *Iskusstvo i arkhologiya Irana i ego svyaz s iskusstvom narodov SSSR s drevneyshikh vremen: tezisy dokladov III Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii* – Arts and archeology of Iran and its connection to art of peoples of USSR from the earliest times: abstracts of the 3rd All-Union scientific conference. Moscow, 1979, pp. 50–52.
22. Mamedova G. G. *Zodchestvo Kavkazskoy Albanii* [Architecture of Caucasian Albania]. Baku, 2004, 224 p.
23. Pugachenkova G. A. Puti razvitiya arkhitekтуры Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma [Ways of development of architecture of Southern Turkmenistan of the age of slavery and feudalism]. *Trudy YuTAKE* – Works of YuTAKE. 1958, vol. 6.
24. Pugachenkova G. A., Rempel L. I. *Istoriya iskusstv Uzbekistana s drevneyshikh vremen do serediny XIX veka* [History of arts of Uzbekistan from the ancient times till the middle of the XIXth century]. Moscow, 1965.
25. Pugachenkova G. A. *Iskusstvo Turkmenistana: Ocherk s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [Arts of Turkmenistan: epitome from the ancient times till the year 1917]. Moscow, 1967.
26. Pugachenkova G. A., L. I. Rempel *Ocherki iskusstva Sredney Azii: drevnost i srednevekovye* [Sketches on arts of Central Asia: ancient times and the Middle Ages]. Moscow, 1982.
27. Rudenko S. I. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of population of Central Altai in the age of Scythes]. Moscow, Leningrad, 1960.
28. Rudenko S. I. *Iskusstvo Altaya i Peredney Azii (seredina I tysyacheletiya do n. e.)* [Arts of Altai and Western Asia (the middle of the 1st millennium b. c.)]. Moscow, 1961.
29. Faenzen Kh. K voprosu o zarozhdenii arkhitekтуры tserkvey s krestoobraznym osnovaniem i tsentralnym kupolom [On the problem of genesis of architecture of churches with the central dome]. *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma po armjanskomu iskusstvu* – Materials for the II international symposium devoted to Armenian arts. Erevan, Armenian Soviet Socialist Republic Academy of Sciences Publ., 1978, 18 p.
30. Chubinashvili G. N. K voprosu o nachalnykh formakh khristianskogo khrama [On the problem of the initial shapes of a Christian temple]. *Tezisy dokladov 7-y Vsesoyuznoy konferentsii vizantinistov* – Scientific reports abstracts of the 7th All-Union conference devoted to Byzantine studies. Tbilisi, 1965, pp. 82–83.
31. Chubinashvili G. N. K voprosu o nachalnykh formakh khristianskogo khrama [On the problem of the initial shapes of a Christian temple]. Moscow, 1972, vol. 33, pp. 158–165.
32. Chubinashvili G. N. K voprosu o nachalnykh formakh khristianskogo khrama: 2-y Mezhdunarodnyy simpozium po gruzinskomu iskusstvu [On the problem of the initial shapes of a Christian temple: the 2nd International symposium devoted to Georgian arts]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1977, 20 p.
33. Godard A. *L'art del Iran*. Paris, 1962.
34. Retrescu P. Zur typologie der Volksarchitektur im Kaukasus. *Revue roumaine d'histoire de l'art. Serie Beaux Arte*. Bucuresti, 1971, vol. 8, pp. 187–206.
35. Strzygowski J. *Die Baukunst der Armenier und Europa*. Wien, 1918, pts. 1–2, 365 p.

About the authors:

Besolov Vladimir Butusovich, director of North Caucasian Academic Centre of the International Academy of Architecture (94, Alagirskaya Str., Alagir, Russia), archgrad101@yandex.ru

Besolov Aristarkh Vladimirovich, post-graduate student of Caucasus Studies, the history of the ancient world and the Middle Ages of North Ossetia State University named after K. L. Hetagurov (46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Russia), archgrad101@yandex.ru

For citation: Besolov V. B., Besolov A. V. *Arkhitektura drevneyshego tsentricheskogo zhilishcha Kavkazo-Pamirskogo megaregiona kak lono kristallizatsii tvorcheskoy idei "kupol na kvadrate"* [The architecture of an ancient centric dwelling in Caucasus-Pamir megaregion as a cradle of crystallization of creative ideas for dome on square]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin. 2015, vol. 25, no. 1, pp. 110–127. DOI: 10.15507/VMU.025.201501.110